

Рецензия

УДК 27.9

DOI 10.25803/26587599_2022_43_199

К. П. Обозный

**Рецензия на книгу: Кострюков А. А.
Русская Зарубежная Церковь
при митрополите Филарете
(Вознесенском) : 1964–1985 годы**

Москва : ПСТГУ, 2021. 496 с.

Обозный Константин Петрович, канд. ист. наук, доцент, декан исторического факультета, зав. кафедрой церковной и социальной истории, Свято-Филаретовский институт, Москва, Псков, Россия / Obozny Konstantin Petrovich, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Dean, Faculty of History, Head of the Department of Church and Social History, St. Philaret's Institute, Moscow, Pskov, Russian, suhoput2006@ya.ru

для цитирования: Обозный К. П. Рецензия на книгу: Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь при митрополите Филарете (Вознесенском) : 1964–1985 годы. Москва : ПСТГУ, 2021. 496 с. // Вестник Свято-Филаретовского института. Вып. 43. 2022. С. 199–207. DOI: 10.25803/26587599_2022_43_199.

FOR CITATION: Obozny K. P. (2022). "Book review: Kostryukov A. A. Russian Church Abroad under Metropolitan Philaret (Voznesensky) : 1964–1985. Moscow : PSTGU Publ., 2021. 496 p." *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, 2022, v. 43, pp. 199–207. DOI: 10.25803/26587599_2022_43_199.

В конце прошлого года, как бы в ознаменование столетия первого Всезарубежного церковного собора в Сремских Карловцах, известный специалист в области церковной истории XX столетия

© Обозный К. П., 2022

Андрей Александрович Кострюков издал свою новую монографию. Этот труд венчает тетралогию по истории Зарубежной церкви, которую автор начал писать еще в начале 2000-х гг. Первая книга была посвящена раннему периоду истории РПЦЗ: от первых недель пребывания русских беженцев на турецком берегу до кончины свт. Тихона (Беллавина). Содержание второй монографии было вписано в границы 1925–1938 гг., а третья книга своими хронологическими рамками с 1938 по 1964 г. обязана периоду служения второго предстоятеля Зарубежной церкви митр. Анастасия (Грибановского).

Исследовать дальнейшую историю церковного зарубежья довольно сложно и отчасти рискованно, поскольку период деятельности митр. Филарета (Вознесенского) был в чем-то запутанным и спорным, а порой содержал откровенно регрессивные тенденции. Некоторые исторические персонажи тех времен либо еще живы, либо совсем недавно ушли из жизни; многие духовные чада и поклонники зарубежных пастырей и архиереев 1960–1980-х гг. здравствуют поныне. Поэтому знакомство с новой книгой А. А. Кострюкова было для меня несколько неожиданным, но одновременно довольно интригующим событием.

По своей структуре и задачам новая монография схожа с предыдущими книгами автора. В исследовании показана организационная структура Зарубежной церкви, основные принципы церковного управления, идейные основания церковной жизни РПЦЗ, взаимоотношения с православной церковью в отечестве, роль РПЦЗ в мировом православии и цивилизационных процессах общемирового масштаба.

Исторический контекст, на фоне которого разворачиваются события в рецензируемой монографии, довольно примечательный. В 1964 г. продолжал свою работу II Ватиканский собор; в СССР на излете антирелигиозная кампания, смещен Н. С. Хрущев и состоялся суд над Иосифом Бродским; во Вьетнаме разгоралась гражданская война, повлекшая новую напряженность в международной обстановке. В этом же году предстоятелем РПЦЗ становится митр. Филарет (Вознесенский), линия церковной политики которого заметно отличалась от той, что установилась в послевоенные годы при митр. Анастасии (Грибановском).

Для многих, в том числе и для самого митр. Филарета, этот выбор Архиерейского синода РПЦЗ был неожиданным. Незадолго до этого события архим. Филарет с большим трудом смог выехать из коммунистического Китая в английский Гонконг, а оттуда

в Австралию, где и совершилось его поставление в епископа. Очень важно, что автор книги уже в начале 1-й главы дает краткую биографическую справку о жизни будущего председателя Архиерейского синода РПЦЗ. При этом особенное внимание уделяется послевоенному периоду. После окончания Второй мировой войны архим. Филарет вслед за своим правящим епископом Харбинским Мелетием (Заборовским) перешел в Московский патриархат. Однако очень скоро архим. Филарет изменил свое отношение к церковному руководству в Москве. Причиной послужили некоторые просоветские публикации Журнала Московской патриархии. Архимандрит Филарет открыто с амвона заявил прихожанам о своем несогласии с позицией РПЦ МП и возложил вину за просоветскую пропаганду на церковное руководство во главе с патриархом Алексием. Архимандрит Филарет отказался принимать советский паспорт, служить молебны для выезжающих в СССР русских жителей и не скрывал своей резкой антисоветской позиции (с. 28–29). Это привело к аресту, моральному давлению, физическому насилию и покушению на жизнь строптивого священнослужителя. Несомненно, все эти испытания наложили особый отпечаток на взгляды, убеждения и психологический склад архим. Филарета. В этом можно усмотреть причины свойственного ему жесткого неприятия РПЦ МП, стремления к изоляционизму и порой неоправданному ригоризму. Стоит добавить, что его отец архиеп. Димитрий (Вознесенский), также известный своими резкими антикоммунистическими заявлениями, в 1946 г. был вывезен из Маньчжурии в СССР, где скоропостижно скончался в январе 1947 г. и был похоронен в Ленинграде.

Избрание митр. Филарета председателем Синода РПЦЗ произошло в тот момент, когда Зарубежную церковь сотрясали внутренние распри, приведшие к разделению на противоборствующие партии. Новый предстоятель, не имевший «партийной» принадлежности и не искушенный в интригах синодалов, должен был внести умиротворение в накалившуюся внутрицерковную обстановку. Эти ожидания оправдались только отчасти. Как отмечает автор книги, «недостаточная опытность архипастыря, совсем недавно ставшего архиереем, его неискушенность в синодальных делах, незнакомство с реалиями европейской и американской жизни» неизбежно привели к появлению ближайшего неформального советника и впоследствии духовника митр. Филарета, известного протопресвитера Георгия Граббе (с. 31). К этому нужно добавить, что административные дела тяготили нового

председателя Синода, а потому он «старался переложить их на подчиненных» (с. 31). Все эти предваряющие сведения помогают внести определенную ясность в те процессы, которые происходили внутри РПЦЗ в 1960–1980-е гг.

Пожалуй, одним из самых впечатляющих, хотя и небесспорных деяний РПЦЗ стало прославление сонма новомучеников Русской церкви в 1981 г. Автор монографии замечает, что процесс канонизации святых в эмиграции начался только после ухода с поста председателя Синода митр. Анастасия (Грибановского), который придерживался твердой позиции, что канонизацию святых можно проводить лишь совместно с церковью в отечестве (с. 137). Однако с течением времени все более казалось, что освобождение России от коммунистического гнета становится туманной перспективой, а потому все чаще и чаще раздавались голоса в поддержку необходимости самостоятельной канонизации. Тотчас после удаления на покой митр. Анастасия (Грибановского) в июне 1964 г. состоялась первая канонизация прав. Иоанна Кронштадтского. Памятуя о монархических настроениях, которые были свойственны членам Синода РПЦЗ, клирикам и политизированным мирянам, нетрудно было предугадать, что скоро будет поднят вопрос и о канонизации императора Николая II. Кострюков подробно показал, как проходила дискуссия по этому вопросу, в том числе уделил внимание аргументации противников этого прославления. Отсутствие объективной информации не позволило составить четкий список новомучеников. В итоге Архиерейский собор РПЦЗ 1 ноября 1981 г. прославил сонм новомучеников российских. При этом так и не был подготовлен полный мартиролог. В него были включены имена членов императорской семьи, патриарха Тихона и еще десяти епископов и пресвитеров, а также имена великой княгини Елисаветы и инокини Варвары (с. 158). Как отмечает автор, зарубежная канонизация подготовила прославление святых Московским патриархатом уже в постсоветское время (с. 164) и одновременно с этим прославление царской семьи в эмиграции не привело к всплеску спекуляций на тему «царебожия» и развитию культа Распутина, как это случилось в постсоветской России.

Как бы то ни было, но отрицать политический подтекст в прославлении новомучеников РПЦЗ невозможно. Многие действия Зарубежной Церкви совершались с оглядкой на события, происходившие в отечестве, где христианство подвергалось гонениям

и пропагандистским атакам. Именно поэтому вполне ожидаемой была поддержка в русском рассеянии церковных диссидентов и правозащитников, бросивших вызов тоталитарной антихристианской системе в СССР. Имена архиеп. Ермогена (Голубева), А. И. Солженицына, прот. Димитрия Дудко, запрещенных в служении священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина, Б. В. Талантова были хорошо известны и почитаемы в Русском Зарубежье. Однако при этом их принадлежность к юрисдикции Московской патриархии давала, как казалось «зилотствующим» клирикам РПЦЗ, полное право требовать и от них покаяния в грехе «сергианства», если они смогут выбраться за границу и пожелают вступить в евхаристическое общение с зарубежным духовенством (с. 214–215). По сути дела, жесткий антикоммунизм и антисергианство в эмиграции и политика оправдания и прития советской системы церковью в СССР стали к 1980-м гг. превращаться в догму, исключавшую всякое движения к общению и готовность к уступкам. Обоюдное желание расправиться с оппонентами хорошо показано автором, однако и в Москве, и в Джорданвилле не переступили границу и не объявили безблагодатными таинства, совершаемые идейными противниками. Официального осуждения в адрес Московской патриархии Синод РПЦЗ так и не вынес: «Балансируя на грани анафем, занеся ногу над пропастью, последнего шага Русская Зарубежная Церковь не сделала» (с. 219).

Идейный антикоммунизм и желание распространить свое влияние в отечестве привел РПЦЗ к поиску контактов с представителями катакомбной церкви, которые также занимали жесткую антисергианскую позицию. Кострюков сумел показать, что излишний ригоризм руководства Зарубежной церкви приводил порой к тому, что оно становилось жертвой самозванцев, авантюристов, а то и агентов органов государственной безопасности, которые заявляли о себе как о преемниках Истинно православной церкви довоенного периода. Принимая в общение подобных «катакомбников» и пытаясь опираться на них в деле создания параллельной церковной структуры в позднем СССР, зарубежные епископы невольно поощряли укрепление маргинальных групп церковного подполья, тем самым все более затрудняли перспективу налаживания отношений с московской церковной властью и наносили серьезный ущерб своему авторитету (с. 238–239).

Отдельную главу своей монографии автор посвятил взаимоотношениям Русской зарубежной церкви и мирового православия. В период правления митр. Филарета (Вознесенского) у РПЦЗ

с Восточными поместными церквами отношения становились все более и более сложными. Причиной этому в основном стали выступления и действия «ревнителей», для которых экуменизм и модернизм, захватившие поместные церкви, давно уже стал злейшей ересью. Такая позиция РПЦЗ все дальше отдаляла ее не только от Вселенского патриархата, но и от консервативно настроенной Иерусалимской церкви (с. 269). Пожалуй, самым серьезным эксцессом, послужившим усилению политики изоляционизма, стало сближение лидеров Зарубежной церкви со старостильным лагерем, который образовался из греческих и балканских православных ригористов-раскольников, объявивших новый календарный стиль изменой чистоте православного исповедания. Как пишет Кострюков, «рано или поздно все зилотствующие встают перед вопросом: если Поместная церковь, из которой они ушли, еретична, то относится ли это к другим Церквам, допускающим сослужение с „еретической“ структурой?» (с. 270). Это вопрос в форме вызова вскоре был поставлен старостильниками и перед самой РПЦЗ. Положительный ответ неминуемо приводил к полному отказу от общения практически со всем православным миром... Подводя итоги этому разделу монографии, автор делает жесткий и одновременно объективный вывод: «Политика изоляционизма, принятая РПЦЗ, была ее личным выбором, а не следствием отторжения со стороны мирового православия» (с. 291).

Последняя часть исследования Андрея Александровича Кострюкова посвящена еще одной болезненной проблеме, которая добавляет новые штрихи к портрету РПЦЗ времен митр. Филарета (Вознесенского). Это тема духовной конфронтации внутри русской церковной диаспоры, которая получила острое развитие еще в 1920-е гг. Отношение РПЦЗ с Западноевропейской архиепископией с центром в Париже и с Православной церковью в Америке продолжали охлаждаться в период 1960–1980-х гг.

Как известно, камнем преткновения в отношениях РПЦЗ и Западноевропейского экзархата была юрисдикционная принадлежность духовных наследников митр. Евлогия (Георгиевского) Вселенскому патриархату. Поэтому после исключения Парижского экзархата из своего ведения в 1965 г. Константинопольский патриарх, казалось бы, создал благоприятные условия для объединения двух ветвей русского православия за границей. Однако этого не произошло по разным причинам. Одна из самых весомых, как отмечает Кострюков, состояла в том, что «...РПЦЗ к тому времени уже стяжала славу „зилотской“ структуры» (с. 308).

Суровый ригоризм зарубежных епископов требовал отказа Западноевропейской архиепископии от своего духовного опыта, который основывался на открытости западной цивилизации и христианском диалоге, а с другой стороны — на приверженности наследию деяний Московского Поместного собора 1917–1918 гг.

Возвращение Западноевропейской архиепископии в 1971 г. в юрисдикцию Константинополя, для которого подобные маневры были только частью большой политики в противоборстве с Москвой, окончательно устранило даже гипотетическую возможность для объединения русского церковного зарубежья.

Похожая ситуация складывалась и в отношениях с Североамериканской митрополией, которая в противовес РПЦЗ стремилась к автокефалии, все более интегрировалась в общемировое христианство и обрела отчетливые черты американского православия. Сложность в положение митрополии привносила конкуренция Вселенского и Московского патриархатов, желавших утвердить на Североамериканском континенте свое особое положение. Формально успех был здесь на стороне Москвы, когда митрополия получила автокефалию от РПЦ МП и была преобразована в Православную церковь в Америке. Это событие, как отмечает автор исследования, не стало поводом для «покраснения» или зависимости Американской церкви от Москвы (с. 362). При этом на фоне этих событий произошло некоторое потепление в отношениях между Вселенским патриархатом и РПЦЗ, солидарно выразивших неудовольствие деятельностью Московского патриархата. Вместе с тем Архиерейский синод РПЦЗ в сентябре 1971 г. заявил о разрыве молитвенного общения с ПЦА (ОСА). В этой связи примечательно, что первоиерарх РПЦЗ митр. Филарет в 1980 г. объявил о потенциальной возможности объединения трех юрисдикций — РПЦЗ, ПЦА и Западноевропейской архиепископии. Автор монографии отмечает, что в риторике лидера Зарубежной церкви речь шла «...не об объединении, а о возвращении в нее заблудших церковных групп» (с. 361). Подобные подходы не только все дальше и дальше отдаляли ветви русского православия в зарубежье, но и свидетельствовали о нежелании руководства РПЦЗ обратиться к диалогу, а значит сделать усилие для слышания своих идеологических оппонентов.

Уместным выглядит в этой связи апелляция автора монографии к точке зрения А. И. Солженицына, который в 1974 г. обратился к Третьему Всезарубежному собору со словами горечи, скорбя о трудном положении зарубежного православия, выразившемся

в духе вражды и разделения. Кострюков ссылается на призыв Солженицына, в котором писатель хорошо диагностирует причину кризиса христианства в русской диаспоре: «...безусловных и безоговорочных канонических прав нет ни у одного из участников конфликта, как нет их, строго говоря, и у Московской патриархии „с ее пресеченной традицией“. У каждой из сторон есть и немалые канонические основания. Но выводить из этого исключительно свою правоту, клеймя „врага“, бесперспективно» (с. 305).

В целом монография А. А. Кострюкова занимает очень важное место в отечественной историографии Православной церкви в эмиграции. Исследование опирается на мощный блок источников, представленный архивными документами из фондов ГАРФа, РГБ, ОВЦС МП, архива Архиерейского синода РПЦЗ и духовной семинарии в Джорданвилле, периодикой и документами личного происхождения. В приложении к монографии автор разместил более 30 документов, которые помогут читателям более подробно познакомиться с проблемными сторонами жизни церкви в эмиграции. В последней части книги нашли место список кратких биографий избранных лиц, именной указатель и список сокращений, что, несомненно, станет хорошим подспорьем для читателей.

Среди слабых мест рецензируемой книги можно отметить то, что автор исследования не использует документы Североамериканской митрополии и Западноевропейской архиепископии. Этот недочет неизбежно приводит к умалению объективности исследования, когда о позиции этих церквей мы вынуждены составлять мнение из публицистических материалов или документов их оппонентов — РПЦЗ и РПЦ МП.

В исследовании А. А. Кострюкова много сказано о большой церковной политике, об идеологии и юрисдикционных разделениях, о лидерах церквей русского рассеяния и т. п. В этом ряду явно не хватило места для описания приходского и епархиального опыта церковной жизни русской эмиграции. Без этого трудно понять внутреннюю духовную ситуацию, связанную с практикой пастырского служения, литургической, миссионерской, благотворительной и культурной деятельностью, присущей нашим соотечественникам за рубежом.

Монография Андрея Александровича Кострюкова вносит серьезный вклад в изучение поздней истории Зарубежной церкви. Без этого труда уже не обойдется никто из последующих исследователей этих непростых страниц православия в эмиграции.

После прочтения этой книги остается впечатление глубокого кризиса РПЦЗ, которая все более и более закрывалась от мира и фактически обрекала свое будущее на стагнацию, тотальную изоляцию и потерю внутренних духовных сил. Этот путь не только лишил РПЦЗ возможности осуществлять служение евангельского свидетельства, к которому призвана церковь земная, но и грозил превратить эту церковную структуру в маргинальную малочисленную группу, живущую по принципу «осажденной крепости». Казалось бы, реальной перспективой к обновлению и преображению Зарубежной церкви могло стало крушение СССР с его коммунистической идеологией, а затем постепенное движение на встречу с церковью в отечестве при московском патриархе Алексии (Ридигере). Оправдались ли эти надежды? Это тема достойна будущего исследования, свидетелями и читателями которого мы, надеемся, станем в недалеком будущем.

Сокращения

ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ОВЦС МП	Отдел внешних церковных связей Московского патриархата
ПЦА	Православная церковь Америки
РГБ	Российская государственная библиотека
РПЦ МП	Русская православная церковь Московского патриархата
РПЦЗ	Русская православная церковь за границей

Рецензия поступила в редакцию 11.05.2022; принята к публикации 3.06.2022